

DOI 10.15393/j9.art.2018.5061

УДК 276; 80

Алексей Михайлович Надежкин

(Нижний Новгород, Российская Федерация)

aleksej1001@gmail.com

РАННЕХРИСТИАНСКИЕ ТОЛКОВАНИЯ ВОСКРЕШЕНИЯ ЛАЗАРЯ

Аннотация. В данной статье обсуждается проблема интерпретации сюжета о воскрешении Лазаря в раннехристианской литературе. Автор представляет новые данные из трудов свт. Афанасия Великого, а также из ранее не переведенных сочинений св. Кирилла Иерусалимского, Дидима Слепца, Псевдо-Климента. Объект исследования — интерпретация сюжета о воскрешении Лазаря в византийской литературе II–IV вв. Предмет исследования — труды авторов указанного периода, в которых мы встречаем толкование данного евангельского сюжета. В результате исследования автор приходит к выводу, что воскрешение Лазаря является одной из важнейших тем для размышления богословов в раннем христианстве. Если в Псевдоклиментинах имя Лазаря только упоминается для придания достоверности данному произведению, то свт. Афанасий напряженно рефлетирует над XI главой Евангелия от Иоанна, находя в ней антиарианские аргументы. Дидим Александрийский оставляет несколько классических комментариев сюжета о воскрешении Лазаря, показывая связь этого библейского повествования с Посланием Павла к Римлянам. Святитель Кирилл Иерусалимский концентрирует внимание читателя на проблеме веры сестер Лазаря Марфы и Марии, которая спасла его.

Ключевые слова: патристика, раннее христианство, история Церкви, сюжет о воскрешении Лазаря, интерпретация, Евангелие

Восприятие евангельского сюжета о воскрешении Лазаря является актуальной проблемой современной филологии. Большая часть исследователей, занимающихся изучением сюжета о воскрешении Лазаря, рассматривают его связь с русской литературой: произведениями *Ф. М. Достоевского* (см., напр.: [Волкова], [Габдуллина], [Касаткина], [Магарил-Ильева]), *Л. Н. Андреева* ([Нурмырадов], [Кашпур], [Михеичева]), и *Евгения Замятина* (см., напр.: [Жукова]) и др. Несмотря на традиционный интерес литературоведов к этому сюжету, его богословское значение нечасто становится предметом научного интереса.

Исследователи XIX в. В. В. Болотов, автор классического труда по творчеству греческого христианского теолога и философа II–III вв. Оригена («Учение Оригена о Святой Троице») [Болотов], и П. Преображенский, духовный писатель и переводчик раннехристианских текстов [Преображенский], не обращались в своих трудах к толкованиям воскрешения Лазаря.

Не рассматривал эту тему в Псевдоклиментинах и составитель курса патрологии проф. А. И. Сидоров [Сидоров]. Исследование экзегетических толкований воскрешения Лазаря в монографии А. Керна «Антропология Григория Паламы» [Керн] также отсутствует.

Современный исследователь Александрийской и Каппадокийской школ богословия В. Я. Саврей [Саврей, 2012a, 2012b] в своих фундаментальных трудах не упоминает о четверодневном Лазаре.

Поэтому чрезвычайно важным является изучение малоизвестных раннехристианских текстов о воскрешении Лазаря, что дает возможность углубить наше представление о рецепции древними христианами этого эпизода Священного Писания и дать новый богатый материал для сравнения с уже известными в переводах экзегезами Святых Отцов. Не переведенные на русский язык толкования на воскрешение Лазаря II–IV вв. могут стать источником нового взгляда на известный христианский сюжет. В рамках данного исследования использованы материалы некоторых томов (т. 2, 28, 33, 39) *Patrologia Graeca* (Греческой патрологии).

В раннехристианском апокрифе, приписываемом св. Клименту, подложных «Гомилиях Климентовых», памятнике II или III вв., упоминается Лазарь Четверодневный, о котором говорится, что он «Лазарь-священник, которого Господь наш, Иисус Христос, разбудил от сна смерти» («...καὶ Λάζαρος ὁ ἱερεὺς, ὃν ἀνέστησεν ἐκ νεκρῶν τετραήμερον ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός...»)!. Здесь автор создает аллюзию на один из стихов XI главы Евангелия от Иоанна, посвященной истории Лазаря, где встречается метафора «сон — смерть»: «Сказав это, говорит им потом: Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить его» (Ин. 11:11). Скорее всего, автор знаком с житием Лазаря, с преданием о том, что он стал епископом на Кипре, хотя

в Клементинах его называют только «священником». Лазарь упомянут в ряду лиц, о которых говорится в Новом Завете, таких как, например, Закхей: «И имена их таковы: Закхей, бывший мытарь, и Софоний, брат его... и Лазарь-**священник**» («...ὧν καὶ τὰ ὀνόματά εἰσι ταῦτα, Ζακχαῖος ὁ ποτε τελώνης καὶ Σοφονίας ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ... καὶ Λάζαρος ὁ ἱερεὺς...»)². Это свидетельство значимо, так как является одним из самых ранних неевангельских упоминаний о Лазаре, а также потому, что из него мы видим, что судьба воскресшего Лазаря была предметом неподдельного интереса ранних христиан и рецепция этого евангельского сюжета вошла в предание.

Свт. Афанасий Великий, виднейший православный автор IV в., известный противник арианства, в «Послании к Максиму Философу» трактует воскрешение Лазаря в антиарианском смысле:

«Не какой-либо человек предал себя за нас (потому что всякий человек повинен смерти, по сказанному в лице Адама всем: “земля еси и в землю отидеши” (Быт. 3, 19), и не другая какая-либо из тварей предала себя (потому что всякая тварь предполагается изменяемою); но само Слово принесло за нас собственное Свое тело, чтобы не в человека была вера и не на человека упование, но чтобы иметь нам веру в самого Бога — Слово. И действительно, когда сделался Он и человеком, видим “славу Его, славу яко едиnorodного от Отца, исполнь благодати и истины” (Иоан. 1, 14). Ибо, что претерпел Он в теле, все то возвеличил как Бог. Плотью алкал, Божески же питал алчущих. И если кто соблазняется телесными действиями, то да уверится тем, в чем действует Бог. По человечеству вопрошает Он, где лежит Лазарь; Божески же воскрешает его. Посему, никто да не посмеивается, называя Его отроком, указывая на возрастание с годами, на то, что ел, пил, страдал, чтобы, отрицая свойственное телу, не отринуть совершенно пришествия Его ради нас. И как не в естественном порядке сделался Он человеком, так, прияв на Себя тело, следовало Ему показать свойственное телу, чтобы не превозмгло мечтание манихейское. А также, действуя телесно, следовало Ему не скрывать свойственного Божеству, чтобы Самосатский не имел повода называть Его человеком, и притом — иным от Бога Слова»³.

В этом отрывке из послания Афанасий Великий осуждал гностические попытки отделить Жертву Христову от Бога-Слова. Он говорит, что человек не может принести себя в жертву, потому что повинен смерти, но «само Слово принесло за нас собственное Свое тело, чтобы не в человека была вера и не на человека упование, но чтобы иметь нам веру в самого Бога — Слово»⁴. И потому святитель отвергает ересь Павла Самосатского, говорившего, что Христос только человек, и оставляет толкование на воскрешение Лазаря в никейском смысле: как человек Христос вопрошает о могиле Лазаря и как Бог воскрешает его, таким образом являя и Божественную, и человеческую Свою природу. Для свт. Афанасия в чуде воскрешения Лазаря проявляются Божественная и человеческая природа Христа: воскрешая Лазаря, Он являет Себя людям как Бог, а плача об умершем друге — как человек.

В «Послании о постановлениях о Никейском Соборе» свт. Афанасий Великий рассуждает о значимости боговоплощения:

«О лице же, хотя оно есть лице Спасителя, тогда уже говорится, когда, приняв на Себя тело, говорит о Себе: “Господь созда Мя начало путей Своих в дела Своя” (Притч. 8, 22). Ибо, как истинному Сыну Божию совершенно приличествует вечное бытие, и бытие в лоне Отца, так соделавшемуся человеком прилично выражение: “Господь созда Мя”. Ибо тогда говорится уже о Нем, что Он и алкал, и жаждал, и спрашивал, — где лежит Лазарь, и пострадал, и воскрес. И как, слыша, что Он — Господь, и Бог, и Свет истинный, представляем Его сущим от Отца, так слыша: “созда”, и “раб”, и “пострадал”, справедливо будет — не приписывать этого Божеству, потому что Божеству это не свойственно, но относить к плоти, которую понес Он на Себе ради нас, потому что ей это свойственно, и самая плоть принадлежит не кому-либо иному, но Слову»⁵.

Чудо Боговоплощения даровало людям жизнь вечную, потому что «чтобы и плоть принесена была за всех, и мы, причастившись Духа Его, могли быть обожены, чего не достигли бы мы иначе, если бы не облекся Он в наше тварное тело. Ибо таким образом стали мы уже именоваться людьми Божиими и человеками о Христе. Но как мы, прияв Духа, не теряем

собственной своей сущности; так и Господь, став ради нас человеком и понесши на Себе тело, тем не менее пребыл Богом; потому что не умалил Себя облечением в тело, а напротив того, и его обожил и соделал бессмертным»⁶. В «Послании о постановлениях о Никейском Соборе» свт. Афанасий в вопросе Христа о могиле Лазаря также видит свидетельство о Его человеческой природе.

В другом произведении, «Книга увещаний», приписываемом свт. Афанасию Великому, рассматривается вопрос: «Почему Христос называется “первенцем из умерших”, хотя дочь Иаира и Лазарь и многие другие воскресли раньше?». Автор разрешает этот вопрос следующим образом: «Почему же до Него Лазарь воскрес и Иаира дочь, и многие другие, почему никто из них первородным не назван? Потому что они после воскресения своего остались смертными и снова умерли. Христос же по смерти Своей не умирал более, но который в воскрешении нашем участвует и Сам уже воскрес» («*Quia autem ante illum Lazarus resurrexerat et Jairi filia, multique alii, quare non illorum aliquis primogenitus vocatus est? Quia illi post resurrectionem suam e mortuis, rursus mortui sunt. Christus autem postquam resurrexit non amplius est mortuus, sed quod in resurrectione nobis eveniet, id ipsi jam contigit*»⁷). Здесь делается акцент на том, что воскрешение Христа и Лазаря различно: Христос по смерти Своей не умирал более, но даровал людям воскресение, освободив их от первородного повреждения. Лазарь же, хотя и ожил, умер вновь и после смерти обрел вечное блаженство.

Другой видный представитель александрийской школы, защитник оригенизма Дидим Слепец в книге «*De Trinitate*» («О Троице») дает вполне традиционное толкование (в котором с ним согласно большое число Отцов Церкви от Афанасия Великого до Августина): «Таким образом, Он желает поучить также и сестер Лазаря, так как нимало не имеющих крепкой веры, избличает вопросом, спрашивая Сам: “Где положили его?” Ответ их должен быть: “Ты Сам знаешь, Господи, потому что Ты — Сын Божий, что очевидно из того, что Ты прежде, еще находясь в селении, на большом расстоянии от Вифании сказал: “Лазарь, друг наш, уснул”, что провозвещает

возвращение из ада и всеобщее воскресение, предваряемые Его собственным воскресением; ведь, что пожелаешь, все для тебя легко» («Ideo etiam nevit, ut sororum Lazari cogitata, utpote nihil fidele, nihilque firmum habentia redargueret: nam interroganti ipsi, “Ubi posuistis eum?” cum respondere deberent: Tu omnia nosti, utpote Filius Dei, ut patet ex bis, quae antea, cum longo intervallo apparenter distares, dixisti, “Lazarus amicus noster dormivit”; ac si jusseris, ex inferno revertetur, communem resurrectionem antevertens propria resurrectione; omnia enim tibi volenti facillima sunt»⁸). В этом толковании Дидима обнаруживается, что метафора «смерть — сон», которую использует Христос, подразумевает и пробуждение, то есть всеобщее воскресение и надежду на спасение. О чуде воскрешения Лазаря он также утверждает, обращаясь к Богу, что «ведь, что пожелаешь, все для тебя легко» (ср. Ин. 11:22) («...omnia enim tibi volenti facillima sunt»⁹), очевидно, имея в виду беспокойство сестры Лазаря Марфы о том, что он уже четвертый день в гробу.

Давая пояснение к одной из заповедей, содержащихся в Послании ап. Павла к римлянам (Рим. 12:15), Дидим говорит, что Христос, оплакивая Лазаря, показывал, как должно исполнять ее: «Радуйся с радующимися и плачь с плачущими». Равно, как радовался Господь с непорочными, восклицавшими “Осанна в вышних!”» («...Christum flevisse instar regis propriis se edictis subjicientis, quibus jubemur “gaudere cum gaudentibus, et flere cum flentibus”, ac propterea antiquae nostrae lamentationi finem imponentis <...> Deus laudabatur cum a pueris innocentibus, qui clamabant, “Hosanna in excelsis”...»)¹⁰. Если большинство церковных писателей и богословов подчеркивали человеческую природу слез Христа (Он плакал не столько о Лазаре, которого думал воскресить, сколько о тленности и греховности человека), то Дидим здесь следует другой экзегетической традиции, видя в слезах Христа стремление научить нас сострадательности.

Один из Отцов Церкви, проповедник, святитель Кирилл Иерусалимский в своем «Катехизисе» в главе «О вере и символе» рассказывает историю Лазаря как человека, которого спасла вера его сестер, Марфы и Марии: «Хочешь точнее узнать, как через веру одних спасаются другие? Умер Лазарь; прошел

и первый, и второй, и третий день, распались все жилы его, и тело его подверглось тлению. Как может четверодневный мертвец верить и молить своего освободителя? Но когда он и смертью умер, то сестры плакали о нем. Когда пришел Господь к сестрам его, спросил: “Где положили его”. И ответили ему: “Уже четвертый день в гробу”. И сказал Господь: “Если будешь веровать, увидишь славу Божию”. По вере сестер мертвого из пасти преисподней воззвал Господь» (*«Vis etiam certius cognoscere, quod per aliorum fides salvantur alii? Obiit Lazarus; praeterierat una et altera et tertia dies, dissoluti sunt mortuo nervi, et putredo jam corpus depascibatur. Quomodo poterat credere mortuus quatruiduanus et pro se ipso liberatorem deprecari? At id quod vita defuncto defuit, germanae sorores supplevere. Venienti enim Domino procidit ad pedes soror; cumque ille diceret: “Ubi posuistis eum?” Respondente illa: “Domine jam fetet, quatruiduanus est enim”; dicit Dominus: “Si credideris, videbis gloriam Dei” <...>. Ac tantum potuit illa sororum fides, ut mortuum ex inferni faucibus revocaverit»*)¹¹. Кирилл Иерусалимский толкует легенду о Лазаре как притчу о возможности спасения человека молитвой за него и верой другого: Лазарю, о котором молились его боголюбивые сестры, было даровано воскрешение. В этом толковании мы видим и утешительный смысл: эта экзегеза — один из первых случаев в истории богословия, когда мертвый Лазарь аллегорически обозначал грешного или неверующего человека, который «духовно мертв» и потому не может молиться сам. Подобная трактовка встречается, например, у Августина Блаженного, но если он считает сестер Лазаря образом Церкви, которая очищает закоренелого грешника, то приведенная Кириллом Иерусалимским притча обращена к тем христианам, у которых есть некрещеный близкий человек, за которого они могут помолиться.

Итак, воскрешение Лазаря является одной из важнейших тем, над которой размышляли богословы раннего христианства. Если в Псевдоклиментинах имя Лазаря упоминается для придания достоверности данному произведению, то свт. Афанасий находит в XI главе Евангелия от Иоанна антиарианские аргументы и исследует этот библейский сюжет для доказательства никейского учения о Божественной и человеческой

природах Христа. В писаниях Псевдо-Афанасия показывается разница в трактовке воскресения Лазаря и Христа с точки зрения богословия: Христос воскрес и более не увидел смерти, а воскресенные им люди, хотя и ожили, но вновь пережили смерть. Эта тема станет важной для многих христианских авторов. Дидим Александрийский, чьи работы по богословию почти не сохранились, оставляет несколько классических комментариев на воскрешение Лазаря. Связывая это библейское повествование с Посланием Павла к Римлянам, он пояснял, что Христос своими слезами показывал, как должно исполнять заповедь: «Радуйся с радующимися и плачь с плачущими». Святитель Кирилл Иерусалимский сосредоточивается в своем катехизисе на проблеме веры Марфы и Марии, которая спасла Лазаря. Эпизод Священного Писания о воскрешении Лазаря и его изучение по малоизвестным раннехристианским греческим и латинским текстам представляет ценный материал для сравнения с уже имеющимися в русских переводах экзегезами Святых Отцов, что дополняет наши представления о рецепции этого эпизода древними христианами.

Примечания

- * Автор выражает признательность доценту кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета А. А. Скоропадской за консультирование по вопросам перевода текстов латинских и древнегреческих авторов.
- ¹ *Patrologiae cursus completus... Series Graeca: in qua prodeunt patres, doctores scriptoresque ecclesiae Graecae / accurante J.-P. Migne Paris, 1857, t. 2. (Patrologia Graeca). Co. 488 (In Greek).* Здесь и далее тексты Греческой патрологии переведены мной; выделено полужирным мной. — А. Н.
- ² Там же.
- ³ Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903. Ч. 3. С. 313–314.
- ⁴ Там же. С. 313.
- ⁵ Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого... Ч. 1. С. 417–418.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Patrologiae cursus completus... 1857, t. 28. (Patrologia Graeca). Co. 550 (In Lat.)*
- ⁸ *Patrologiae cursus completus... 1858, t. 39. (Patrologia Graeca). Co. 910 (In Lat.)*
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Patrologiae cursus completus... 1858, t. 33. (Patrologia Graeca). Co. 515 (In Lat.)*

Список литературы

1. Болотов В. В. Учение Оригена о Святой Троице. — СПб.: Тип. Ф. Г. Елеонского и К°, 1879. — 452 с.
2. Волкова Е. А. Религиозная тематика в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Научный диалог: вопросы философии, социологии, истории, политологии: сб. науч. тр. по материалам VII Международ. науч.-практич. конф. 1 июня 2017 г. — Самара, 2017. — С. 15–19.
3. Габдуллина В. И. Проблема дискурсивного выражения авторской позиции в произведениях Ф. М. Достоевского // Сибирский филологический журнал. — 2011. — Вып. 1. — С. 46–52.
4. Жукова Е. А. Библейские темы и мотивы в творчестве писателей XX века (на материале Е. Замятина) // Мировая литература в контексте культуры. — 2008. — Вып. 3. — С. 33–36.
5. Касаткина Т. А. Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы литературы. — 2003. — № 1. — С. 176–208.
6. Кашпур О. А. Интерпретация библейской легенды о воскрешении Лазаря в рассказе Л. Андреева «Елизар» // Культура и текст. — 2004. — Вып. 7. — С. 47–52.
7. Керн А. Антропология Григория Паламы. — Париж: YMCA-Press, 1950. — 450 с.
8. Магарил-Ильяева Т. Г. Русская литература и философия: пути взаимодействия. — М.: Водолей, 2018. — 600 с.
9. Михеичева Е. А. Мотив воскрешения в творчестве Л. Андреева // Проблемы исторической поэтики. — 2017. — Т. 15. — № 1. — С. 68–79 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1488808196.pdf (04.04.2018).
10. Нурмырадов Б. М. Тема бессмертия в библейском сюжете рассказа «Елизар» Л. Андреева // Закономерности и тенденции инновационного развития общества: сб. Международ. науч.-практич. конф. в 6 частях. — Уфа, 2017. — С. 63–65.
11. Преображенский П. О Писаниях Мужей Апостольских // Памятники древней христианской письменности: в 7 т. — М.: Типография Катков и К°, 1860. — Т. 2: Писания мужей апостольских. — С. 3–8.
12. Саврей В. Я. Александрийская школа в истории христианской мысли. — М.: МГУ, 2012. — 226 с. (а)
13. Саврей В. Я. Каппадокийская школа в истории христианской мысли. — М.: МГУ, 2012. — 256 с. (b)
14. Сидоров А. И. Курс Патрологии: Возникновение церковной письменности. — М.: Русские огни, 1996. — 349 с.

Дата поступления в редакцию: 07.04.2018

Дата публикации: 29.06.2018

Alexey M. Nadezhkin

(Nizhny Novgorod, Russian Federation)

aleksej1001@gmail.com

EARLY CHRISTIAN INTERPRETATIONS OF THE RESURRECTION OF LAZARUS

Abstract. This article investigates the interpretation of the raising of Lazarus in early Christian literature. The author presents new data taken from the writings of St. Athanasius and other untranslated theological sources by S. Cyrill of Jerusalem, Pseudo-Clement, Didymus the Blind. The research focuses on the interpretation of the motif of the raising of Lazarus in Byzantine literature of the 2d–4th centuries. The research question concerns the writings of the authors of the given period that contain the interpretation of this evangelic motif. The author comes to the conclusion that the raising of Lazarus is an important theme in the writings of early Christian theologians. In Pseudo-Clement's writings the name of Lazarus is nothing but mentioned for making the work more plausible, while St. Athanasius deeply reflects over the 11th chapter of the Gospel of John, seeking for anti-arian arguments in it. Didymus the Blind leaves classical some typical commentaries on the resurrection of Lazarus, thus, disclosing the ties of the Biblical narration with the Letter of Paul to the Romans. St. Cyrill of Jerusalem in his Catechesis emphasizes the fact of faith of Martha and Mary, Lazarus's sisters, who saved him.

Keywords: patristics, early Christianity, history of Church, resurrection of Lazarus, interpretation, the Gospel

References

1. Bolotov V. V. *Uchenie Origena o Svyatoy Troitse [The Teaching of Origen on the Holy Trinity]*. St. Petersburg, Tipografiya F. G. Eleonskogo i K° Publ., 1879. 452 p. (In Russ.)
2. Volkova E. A. A Religious Theme in the Novel by F. M. Dostoevsky "Crime and Punishment". In: *Nauchnyy dialog: voprosy filosofii, sotsiologii, istorii, politologii: sbornik nauchnykh trudov po materialam VII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 1 iyunya 2017 goda [Scientific Discourse: Issues of Philosophy, Sociology, History, Political Science: The Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the 7th International Scientific and Practical Conference on June 1, 2017]*. Samara, 2017, pp. 15–19. (In Russ.)
3. Gabdullina V. I. The Problem of a Discursive Expression of the Author's Viewpoint in the Writings of F. M. Dostoevsky. In: *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2011, issue 1, pp. 46–52. (In Russ.)
4. Zhukova E. A. Biblical Themes and Motifs in the Works of the Writers of the 20th Century (Based on E. Zamyatin's Materials). In: *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury [World Literature in the Context of Culture]*, 2008, issue 3, pp. 33–36. (In Russ.)

5. Kasatkina T. A. The Resurrection of Lazarus: The Experience of the Exegetical Reading of the Novel by F. M. Dostoevsky "Crime and Punishment". In: *Voprosy literatury*, 2003, no. 1, pp. 176–208. (In Russ.)
6. Kashpur O. A. The Interpretation of the Biblical Legend About the Resurrection of Lazarus in the Story of L. Andreev "Elizar". In: *Kul'tura i tekst [Culture and Text]*, 2004, no. 7, pp. 47–52. (In Russ.)
7. Kern A. *Antropologiya Grigoriya Palamy [The Anthropology of Gregory Palamas]*. Paris, YMCA-Press Publ., 1950. 450 p. (In Russ.)
8. Magaril-Il'yeva T. G. *Russkaya literatura i filosofiya: puti vzaimodeystviya [Russian Literature and Philosophy: the Ways of Interaction]*. Moscow, Vodoley Publ., 2018. 600 p. (In Russ.)
9. Mikheicheva E. A. Resurrection Motif in the Works of Leonid Andreev. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2017, vol. 15, no. 1, pp. 68–79. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1488808196.pdf (accessed on April 04, 2018). (In Russ.)
10. Nurmyradov B. M. The Theme of Immortality in the Biblical Plot of the Story "Elizar" by L. Andreev. In: *Zakonomernosti i tendentsii innovatsionnogo razvitiya obshchestva. Sbornik Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v 6 chastyakh [Common Factors and Tendencies of the Innovative Development of Society. The Collection of Theses of the International Scientific and Practical Conference in 6 Vols]*. Ufa, 2017, pp. 63–65. (In Russ.)
11. Preobrazhenskiy P. About the Writings of the Church Fathers. In: *Pamyatniki drevney khristianskoy pis'mennosti: v 7 tomakh [Monuments of Ancient Christian Literature: in 7 Vols]*. Moscow, Tipografiya Katkov i K° Publ., 1860, vol. 2: The Writings of the Church Fathers, pp. 3–8. (In Russ.)
12. Savrey V. Ya. *Aleksandriyskaya shkola v istorii khristianskoy mysli [The Alexandrian School in the History of Christian Thought]*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2012. 226 p. (In Russ.) (a)
13. Savrey V. Ya. *Kappadokiyskaya shkola v istorii khristianskoy mysli [The Cappadocian School in the History of Christian Thought]*. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2012. 256 p. (In Russ.) (b)
14. Sidorov A. I. *Kurs Patrologii: Vozniknovenie tserkovnoy pis'mennosti [The Course of Patrology: The Origins of Church Literature]*. Moscow, Russkie ogni Publ., 1996. 349 p. (In Russ.)

Received: April 07, 2018

Date of publication: June 29, 2018